

ОН РАБОТАЛ ТВОРЧЕСКИ

К 100-летию со дня рождения Н. А. Коровина

Исполняется сто лет со дня рождения выдающегося декоратора, ведущего художника производственных мастерских Большого театра, сценографа, кавалера ордена Трудового Красного Знамени Никтополиона Александровича Коровина. Блистательный живописец, правая рука таких замечательных мастеров театрально-декорационного искусства, как Ф. Федоровский, П. Вильямс, В. Дмитриев, автор ряда самостоятельных работ в театре Н. А. Коровин прожил интересную, наполненную жизнь.

Девятнадцатилетним учеником знаменитого Московского училища живописи, ваяния и зодчества он в 1905 году за участие в революционных студенческих беспорядках был выслан из России. Учился в Мюнхенской Академии художеств у П. Гальма, участвовал на выставке Парижского осеннего салона в 1911 году. Чуть позже, вернувшись на Родину, иллюстрировал книги и журналы в петербургских-петроградских издательствах. Восторженно принял революцию. С 1921 года обосновался в Москве. Писал, как это было принято в те годы, огромные панно-плакаты для площадей и улиц с призывами к борьбе с голодом, разрухой... Преподавал рисование в школах и, главное, в детских домах «Пчелка» и «Огонек», где организовывал с воспитанниками любительские спектакли. Так Н. А. Коровин стал участником борьбы с детской беспризорностью.

С 1925 года на всю жизнь связал он свой творческий путь с Большим театром. Здесь он встретился и начал сотрудничать с опытнейшими мастерами своего дела — декораторами Г. Ф. Кольбе, Л. А. Федоровым, А. С. Мясниковой и другими. В качестве маляра подвизался Анисимов, который работал еще с Константином Коровиным. Никтополион Александрович органично вошел в эту славную которму русских, советских декораторов, которые беззаветно трудились во славу отечественного музыкального театра, передавали свой богатейший опыт только что пришедшим в мастерскую новичкам.

Человек широко образованный, настоящий русский интеллигент, истинный художник, Н. А. Коровин все свои силы и талант вложил в осуществление большинства знаменитых спектаклей Большого театра, поставленных в 1925—1952 гг., вошедших в ис-

торию отечественного театра. Ну как же не вспомнить, что именно он совместно с другими художниками восстанавливал сгоревшие декорации своего великого однофамильца Константина Алексеевича Коровина к «Богеме» Д. Пуччини, возродив в 1925 году для советских зрителей спектакль 1911 года. Его исполнительская роль декоратора переросла в подлинное творческое содружество с прославленными художниками-постановщиками М. Курилко в «Красном маке» (1927), Ф. Федоровским в «Борисе Годунове» (1927, 1948), «Хованшине» (1950) и др. Он исполнял декорации по эскизам С. Кобуладзе и Б. Волкова, П. Вильямса и В. Дмитриева. И каждый раз умел воссоздать не только особый, уникальный изобразительный мир образов опер и балетов, но и передать неповторимый почерк каждого художника-постановщика.

Это происходило потому, что неотрывно работая в театре, Н. А. Коровин находил время и для самостоятельной работы с натуры над портретами, пейзажами, этюдами. В них поражает особая проникновенность, эмоциональность. Это — произведения поэта-романтика, любящего природу, жизнь, театр. Они исполнены рукою талантливого профессионала, умеющего передать мир в изысканной, прозрачной, воздушной цветовой гамме, неяркой и, в то же время, декоративной. У него было врожденное чувство гармонии цвета и звука и это, вероятно, привело его именно в музыкальный театр. Ведь не случайно почти все его самостоятельные работы, например, «Сын мандарина» Ц. Кюи в Московском музыкальном учи-

лище имени М. Ипполитова-Иванова, «Евгений Онегин» П. Чайковского в музыкально-педагогическом училище имени Гнесиных, «Бахчисарайский фонтан» Б. Асафьева во Львове, «Тихий Дон» И. Дзержинского в Белорусском театре оперы и балета в Минске и другие, и, наконец, «Конек-Горбунок» Ц. Пуни и «Мазепа» П. Чайковского — в родном Большом театре, были спектакли музыкальные, которые воплощались средствами декорационной живописи.

Обо всем этом рассказывают и произведения Н. А. Коровина и его эскизы, многие из которых хранятся в музеях, и рецензии на спектакли и специальные статьи. Но в дни, когда отмечается 100-летний юбилей, хочется дополнить его портрет живыми чертами. Рассказывают некогда молодые современники Н. А. Коровина, ныне уже художники-ветераны, заслуженные работники культуры РСФСР Тамара Алексеевна Дьякова, пришедшая в театр в 1930 году, и Наталия Карловна Ризель, начавшая здесь работать двенадцать лет спустя. Обе они единодушно в высокой оценке этого незаурядного художника и, вспоминая, дополняют друг друга.

— Он был человеком принципиальным, с характером, иногда мог вспылить, но к ученикам относился бережно, с терпением, если что не так — подскажет, поможет... — говорит Т. Дьякова.

— В 1942 году, когда я поступила в мастерские Большого театра, — вспоминает Н. Ризель, — условия для работы были трудные. Краски застыли в ведрах от холода, покрывались ледяной корочкой. И все-таки мы работали удивительно дружно и споро и Никтополион Александрович научил меня главному: как надо писать в театре. Он был именно театральным художник. Ведь пишущих художников много, но не все они могут писать для театра. Кульминацией нашей с ним работы было воплощение эскизов Дмитриева к балету «Пламя Парижа». Помню, как мы писали Тюильри, великолепный зал,

обитый красным штофом, с пылающими золотыми свечами, их пламя как бы отвечивавшее на стенах, отраженное на висящих картинах. То была труднейшая живописная задача. Коровин писал интересно, красиво. Изумительно была исполнена им сцена ярмарки во «Вражьей силе» тоже по замыслу Дмитриева. Если постановщик шел от полотен Кустодиева, то декоратор чутко

это понял и исполнил декорации в той напряженной красочной гамме, которая словно объединила прототип с новым творением.

— Как писал декорации Никтополион Александрович? — спрашиваю я.

— Некоторые декораторы, — отвечает Ризель, — любят первоначально тонировать холст, а уже потом писать по этому фону. Коровин мог писать и на цветном, и на чистом холсте и даже оставлять в случае надобности какую-то часть белого холста. Он работал творчески.

Да, Н. А. Коровин учил не только писать декорации, хотя казалось бы, и этого было более чем достаточно. Он наставлял своих учеников не замыкаться в пределах театра во имя театра же. Наталия Карловна Ризель показывает мне письмо своего учителя, посланное ей в Гурзуф, где она отдыхала: «Порадовался за Вас, — пишет Коровин, — и, одновременно, ругнул. Ну, что стоило Вам в свое время завести себе что-нибудь вроде маленького этюдника, сунуть его в чемодан, а, приехав в Гурзуф, забыть о нем. Ясно же как день, что, придя в себя, у Вас зачесутся руки, вот тут и вспомните, что где-то на дне чемодана... В следующем году, я уверен, что Вы так и поступите... Нельзя же так узко смотреть на свой отдых». За этими строками — не только отеческая забота о молодом, неопытном еще ученике. Здесь больше — сама позиция Н. А. Коровина, его творческое кредо — везде, на работе ли, на отдыхе ли, всегда оставаться художником. Художником с большой буквы.

Ни дня без кисти, ни дня без карандаша! Именно потому так прекрасно живописал он окрестности Полтавы, сначала благостную, а в финале разгромленную усадьбу Кочубея в декорациях к «Мазепе», именно потому рецензенты отмечали его особенно красивую, полную жизни живопись буйно цветущих садов и весеннего Дона в сценографии оперы «Тихий Дон». Все богатство своих жизненных и художественных впечатлений он приносил в театр.

Еще живут в памяти старшего поколения советских зрителей великолепные работы Н. А. Коровина, в которых музыка балетов и опер благодаря виртуозу-декоратору обогащалась музыкой для глаз.

Ф. СЫРКИНА,
кандидат искусствоведения.